

ХРОНИКИ ГРОМОВЕРЖЦА

Первая история из цикла «Анекдоты для богов
Олимпа»

ВАСИЛИЙ ЛЯГОСКИН

Василий Лягоскин

**Хроники громовержца.
Первая история из цикла
«Анекдоты для богов Олимпа»**

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Хроники громовержца. Первая история из цикла «Анекдоты для богов Олимпа» / В. И. Лягоскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836296-5

Тысячелетнее заточение богов на Олимпе закончилось. Теперь каждый из них предоставлен самому себе. Единственное отличие олимпийцев от нас с вами или от наших далеких предков лишь в том, что они помнят каждую жизнь, прожитую в тварном мире. Может, потому Зевс-громовержец, умудренный опытом прежних жизней, раз за разом возрождается великим правителем. И каждый раз он приходит в мир с единственной надеждой — найти в этой жизни свою Геру...

ISBN 978-5-44-836296-5

© Лягоскин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Эпизод первый: Александр Великий и Роксана	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Хроники громовержца
Первая история из цикла
«Анекдоты для богов Олимпа»
Василий Лягоскин

© Василий Лягоскин, 2017

ISBN 978-5-4483-6296-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпизод первый: Александр Великий и Роксана

Любопытство, нетерпение, кружение головы от обретенной, наконец, свободы... Только страха перед неведомым не было сейчас в душе верховного бога Олимпа. Потому что громовержец по определению не мог ничего бояться – даже здесь, в тварном мире. Лишь в самой глубине души шевельнулся червячок сомнения:

– А Гера? Разве ты не боишься, что не найдешь в этом мире свою половинку; что пройдешь мимо и не узнаешь ее?

– *Постой, а как мы друг друга узнаем? – Я буду с розой в руках.*

– *А я буду жирная...*

Зевс широко улыбнулся, распахивая глаза. Сразу несколько воспоминаний грели сейчас душу. Во-первых, конечно, дума о Гере, единственной и неповторимой, с именем которой он ложился на ложе, и с именем которой просыпался. Второй перед его мысленным взором всплыла картинка огромной тяжелой книги; он даже ощутил ее вес и запах, и – опять в мыслях – откинул обложку, отделанную кожей и уголками из металла желтого цвета, чтобы прочесть с утра пару-тройку анекдотов; зарядиться удивительной бодростью и оптимизмом, которые несли эти немудреные строки.

Наконец, в памяти всплыло и лицо хозяина Книги – Геракла, а точнее, того, кто так удачно заменил собой полубога. Алексей Сизоворонкин – этот человек, возведенный в ранг бога-неофита, был страховкой для олимпийских богов; посланным в тварный мир «казачком», обладавшим уникальной способностью появляться в нужном месте, в нужный час. На этой оптимистичной ноте – если что, «Геракл», теперь бог информации, поможет – он и начал новый трудовой день: соскочил с ложа...

Ага! Не так-то просто это было – вылезти из-под двух девичьих тел, вцепившихся в него, словно утопающие в спасательный круг. А рядом, с двух сторон, лежали еще две красавицы (и ложе, и положение позволяли такое излишество), которые сейчас тихонько сопели в две дырочки.

– Дырочки в носу, а вы что подумали? – громовержец негромко засмеялся, пытаясь вспомнить подходящий анекдот в самой последней главе Книги.

Информация обрушилась водопадом; в той самой главе «про это» каждый второй анекдот был связан с «дырочками», и Зевс невольно покраснел. А как он заливался краской смущения и восторга, когда читал эту главу впервые?! Он, верховный бог Олимпа, которого столетиями никто и ничто не могло смутить!

Его шевеление и легкий смешок разбудили наложниц; заставили их гибкими, чуть провокационными движениями соскочить с ложа и замереть в поклонах – в очень низких поклонах, в которых бывший бог с легкостью читал невысказанное сразу четырьмя нежными, готовыми на все ротиками:

– Угодили ли мы тебе этой ночью, господин? Были ли мы сегодня такими умелыми, послушными, угадывающими любое желание повелителя?..

Громовержец сидел на краю мягкого ложа, позволяя себе еще несколько мгновений полюбоваться на этих красавиц – до того, как выйти из огромного походного шатра, взятого с боя, и окунуться в нескончаемую череду дел. Ибо не было; не могло, не должно было быть в половине мира, которой он владел, девиц прекрасней тех, кто грел его ложе.

– *Милый, ты каких больше любишь, умных или красивых?*

– *И тех и других. Да я и тебя люблю...*

Увы – в половине обитаемого мира, которую уже покорил Александр Великий, он же Двурогий, он же Македонский, и (об этом никто не знал) он же Зевс-громовержец – не было той умной, и красивой, которую он страстно желал видеть рядом с собой.

– Значит, – сделал Зевс вполне логичный вывод, – она сейчас во второй половине мира. И надо эту вторую половину поскорее присоединить к первой. . .

Вот так, прогнав вполне естественное желание зайти к красавицам с тылу, и уже там еще раз доказать им, что они достойны великого завоевателя (так же, как он достоин их красоты!), Александр и определил себе задание на сегодняшний день – начать завоевание земель, остающихся пока бесхозными. Ибо кто мог назвать настоящими хозяевами царей и падишахов, халифов и богдыханов, трясущихся в страхе и ожидании того рокового часа, когда победоносная македонская армия достигнет границ их государств.

Девушки действительно оказались не только красивыми, но и умными. Выражение его поскучевшего, ставшего строгим и деловитым лица они расшифровали, не поднимая к повелителю низко склоненных голов. А потом шустро исчезли во второй половине шатра, потому что уже знали – суровый воитель привык сам облачаться – и к буднему дню, и к праздничному пиру, и – особенно – к предстоящему бою.

Пара минут – и Александр шагнул в свежесть раннего утра, пока еще не нарушенную шумом просыпающегося войска. По сторонам шелковой двери-полога замерли доверенные стражи; казалось, они так и стояли, подобно античным (то есть современным Македонскому) статуям, прислушиваясь, приглядываясь, а может, и принохаясь к опасностям, что могли грозить повелителю мира.

– Как же, – усмехнулся громовержец – не им, а собственным грязным мыслям, – бдили они! Слушали, наверное, крики и вопли в шатре; завидовали помаленьку. . . а может, и не помаленьку.

Но спрашивать стражей он ни о чем не стал. . .

– *Плохо без женщин. . .*

– *Если плохо без женщин – это хорошо. Вот когда хорошо без женщин – это уже плохо!*

Стражи остались позади; за спиной выросла пара других – таких же крепких и умелых, а главное – верных. Эти воины прошли вместе с Александром длинный путь по землям Малой Азии; заслонили его собственными телами в битве при Гавгамелах, и с тех пор пользовались его безграничным доверием. . . насколько мог доверять людям верховный бог Олимпа. Александр даже чуть поморщился – это в сердце кольнула заноза, которая никак не желала истаивать с того самого дня, когда пришлось казнить Филоту, самого близкого человека в войске, командира гетайров. А потом – и Клея Черного, командира телохранителей. Потому с некоторых пор Зевс тонко и неуклонно проводил линию на обожествление себя самого – в лице Александра Филиппыча. Не корысти ради и не для того, чтобы потешить собственное самолюбие. Нет! Просто за тысячи лет правления Олимпом громовержец успел убедиться – ни страх, ни уважение не смогут дать гарантии того, что однажды соратники, его закаленные в боях воины, не поднимут проверенное в десятках битв оружие против него самого. А такое брожение в армии тлело уже давно.

– Нет, – решил Александр уже давно, – только любовь; только слепое почитание живого бога на земле. . . да хотя бы и сына самого Зевса-громовержца. Тем более, что папаша возражать не будет. Так?!

Это Зевс внутри Македонца подмигнул самому себе.

Другая заноза в груди была вполне извлекаемой. Македонский царь знал за собой такую особенность – при виде очередной вражеской крепости, еще не покорившейся ему, или войска, которое он пока не разбил, внутри царского тела поселялось ноющее чувство, не дающее покоя ни днем, ни ночью. Вот и сегодня, принимая ласки четырех чаровниц, и одаряя их не менее изощренной похотью, он не переставал думать об крепости, что нерушимой твердыней высилась над окружившей ее армией Александра.

«Скала Бактрии» – так назвал свою последнюю крепость местный владыка с труднопереносимым именем Ваксувадавр. Впрочем, он охотно откликнулся на более благозвучное Оксиарт. Зевс-Александр невольно опять вспомнил Лешку Сизоворонкина, у которого, несомненно, оба эти имени вызвали бы безудержный смех; ну и очередной анекдот, конечно. И – Александр Македонский готов был поставить на кон все молнии и громы Зевса против горелой спички – в этом анекдоте нашлось бы понимание того, как взять неприступную твердыню без больших жертв, а главное – не затрачивая времени, стремительно истекающего, фатально не хватающего для новых побед и завоеваний. Македонец чувствовал – нужно вырваться из теснин Бактрии и Согдианы; вести войско в Индию, и дальше – в загадочный Кхитай, где груды золота заткнут рты самым крикливым... нет – заставят этих крикунов славить во весь голос нового бога на Земле – Александра.

– Кстати, – остановился он так резко, что Филон с Ксантром – две постоянные его тени – едва не ткнулись ему в спину, – а почему я сам не могу найти ответ в Книге? Зачем я учил ее наизусть – еще там, на Олимпе?!

Толстая обложка в памяти опять перевернулась, открывая первую страницу, а телохранители в глубоком почтении отступили на пару шагов, чтобы не мешать очередному озарению кумира. Потому они не могли видеть, как улыбается царь Азии, как шевелятся его тонкие, почти бескровные губы, а лицо, не отмеченное особой красотой, но и не совсем безобразное, становится сейчас мечтательным и одухотворенным; знали бы воины, что Александр Великий с таким лицом, подходящим сразу всем музам, читает про себя анекдоты!

– Вот! – воскликнул он вслух, заставив стражей за спиной радостно встрепенуться, – нашел!

Как ни странно, и царь, и воины думы свои устремили в одном направлении. Александр нашел анекдот, а Филон с Ксантром уверились, что осада Скалы Бактрии закончится совсем скоро; недаром лицо «охраняемого лица» озарилось такой радостью.

Муж говорит жене:

– *Привет, дорогая, у меня для тебя сюрприз!*

– *Правда? И какой же?*

– *Я приобрел тур в Австралию!*

– *Ой, как здорово! И сколько туда лететь?*

– *Точно не знаю, но, как только туда прилечу, я тебе позвоню...*

Зевс еще раз хохотнул; теперь погромче – это он представил себе ошарашенные лица олимпийцев и Сизоворонкина; в тот момент, когда он рассказывал бы подданным этот анекдот.

– Ну и что! – воскликнул бы первым (в этом громовержец не сомневался) Геракл-Сизоворонкин, – где Австралия, а где Скала Бактрии?!

– А-а-а! – поднял бы тогда палец к потолку Зевс (знать бы еще самому, что это за загадочная Австралия?!), – удивить – значит победить. Сейчас вот пойду... не я, а Александр, да и предложу Оксиарту отдать мне в жены одну из его дочерей. А самого бактрийца, как любимого тестя, оставлю на его троне. Еще и пару соседних областей подарю – после того, как он поможет их завоевать. Ай, да Александр; ай, да сукин сын!

– Это, – поправился тут же громовержец, – не я сам про себя, это Сизоворонкин заявил бы. Еще и по ляжкам постучал бы, – прежде чем начать хохотать. Вопрос только – по своей мускулистой заднице, или по нежным, персикоподобным, принадлежащим Афине с Артемидой?

Олимпиец даже закрыл глаза, представляя себе такую милую картину. А ведь совсем недавно – не больше двадцати лет назад, когда он только начал воспринимать себя в теле и разуме юного Александра, Зевс считал свой чертог постылым казематом со спертым за тысячи лет воздухом.

– И что бы заявили на это мои дочери? – продолжил он разглядывать такие сладостные картинки, – две красавицы, набравшиеся от человека-полубога такого...

– А если у него все дочери страшные, как крокодилы? – словно наяву прозвучал голосок богини охоты.

– И при чем тут Австралия? – чуть запоздала со своим вопросом Афина-воительница.

– А-а-а! – еще раз воздел бы перст их отец, – тут прямая связь. Если девица будет страшная... все равно женюсь. А потом сбегу от нее – да хоть в ту же Австралию. Хотя лучше в Индию, или в Кхитай. Вместе со всем войском.

Он, наконец, повернулся к телохранителям; точнее к пареньку, следовавшему безгласной тенью уже за спинами стражей – к Гефестиону, с которым самые неосторожные остряки в войске связывали его, богоподобного Александра, весьма неблагоприятной связью (еще и поэтому нужно было срочно жениться!). Царь скомандовал, совсем не повышая голоса:

– Евпитрия ко мне.

Сам же он зашагал к стенам осажденной крепости, уверенный, что глашатай, способный без труда перекричать самого громогласного осла, догонит его прежде, чем великий царь останется. И действительно – когда Александр утвердил свои ноги на пригорке, сейчас олицетворявшем собой половину мира, которую успел завоевать Двурогий, за спиной уже громко сопел, явно разминая голосовые связки, его личный глашатай. Евпитрий, в придачу к пронзительному голосу, обладал недюжинным умом и уникальной способностью придавать лаконичным фразам Александра необходимую причесанность и значительность официального языка. Здесь же, в Азии, он привнес в свои истошные крики еще и цветистость, так ценимую местной знатью. Вот и теперь, прежде чем перейти к сути, Евпитрий долго и торжественно перечислял титулы Александра; не забыл назвать великих мира сего, которые преклонили свои колени перед Македонцем. Ну, или потеряли головы, потому что пожалели собственные колени и спины, не гнувшиеся в поклонах.

Дисконтные карты, оптовые скидки, «Приведи друга», «Два плюс один»... Все акции оказались почему-то провальными! Сложно быть маркетологом похоронного бюро.

Евпитрий глашатаем (неведомым маркетологом) оказался отличным. Владыка бактрийцев на его призыв откликнулся совсем скоро – причем согласием, полным и безоговорочным.

– Это ты молодец! – мысленно похвалил Евпитрия царь, – если все получится, дарю тебе одну из невольниц, что сейчас ждут своей участи в Скале Бактрии. Гефестиону, кстати, тоже. Пусть доказывает, что подлые слухи не имеют под собой никаких оснований.

Глашатай между тем закончил славословить своего царя – уже в конце своей длинной тирады, которую сам Александр выразил бы в нескольких фразах: «Или свадьба – для меня; почет и долгая жизнь в собственном дворце – для тебя, бактрийский наместник... или смерть на развалинах Скалы – тоже для тебя, и твоих людей...»

К визиту Ваксувадавры («Надо же, – усмехнулся Александр, – выучил! Почти как анекдот») был готов шатер, вчетверо превышавший размерами тот, в котором ночевал царь. Роскошью и убранства, и посуды, и яств в них два шатра сравнить было просто смешно. И это теперь тоже вписывалось в новую стратегию Александра-Зевса, прежде такого аскетичного. Спартакское воспитание Леонида, приставленного матерью, а тем более шута и актера Лислика пора было отринуть. Что касается великого Аристотеля, философа, и его учителя...

– Ну, – решил, наконец, Александр, не собираясь вставать навстречу будущему тестю, – не так уж он и велик, рядом со мной.

Тут громовержец слукавил; имея в виду несравненного Аристотеля, он кивнул сейчас на бактрийца Оксиарта. Предполагаемый тесть действительно был росточка невеликого; на голову ниже македонского царя. Зато талией, а еще длиной и густотой аккуратно подстри-

женной бороды поражал. Александр прежде всего оценил живот бактрийца; сравнил его с яствами, которыми был уставлен низенький столик:

– А ведь еще и невесту угощать надо будет...

Говорят, что если женщина весит сто килограммов, Бог думает, что она уже нашла свою половинку, и никого ей не посылает.

– Давай не будем решать за бога, – усмехнулся Зевс неведомому составителю книги, – он сам в состоянии сделать свой выбор.

Евпитрия в этот шатер не пригласили, так же, как и многочисленную свиту Македонца. Царь решил в вопрос собственной женитьбы и (чем черт не шутит?) возможного престолонаследия не вмешивать никого, кроме родственников. Такой он на сегодня считал лишь собственную мать, Олимпиаду, которая уже столько лет ждала его на родине. Александр, а вместе с ним и Зевс любили македонскую царицу искренней любовью; скучали по ней, но пока вместо давно обещанного возвращения домой лишь слали бесчисленные трофеи из покоренных царств. А Оксиарт...

– Я готов прилюдно назвать тебя родичем, бактриец; возвыситься над соседями, над всей Бактрией, если ты сейчас сотворишь чудо, которого требует моя душа! Нет, – поправил себя Зевс Македонский, – она не просто требует, она уже что-то чувствует!

Александр в нетерпении соскочил с собственного трона, поднесенного ему персами, убившими своего последнего царя, Артаксеркса, и потащил слабо упиравшегося бактрийца к столу – к яствам, а прежде всего, к кубкам. Сам Македонец в последнее время тоже не гнушался алкоголя – в полной уверенности, что закаленному организму громовержца, за тысячелетия привыкшего к сногшибающей огневке, слабенькое персидское вино ничем не повредит. Потом – после нескольких чар «За знакомство», «За здоровье!», и, конечно же, после третьей: «За женщин!», – повелитель мира потребовал этих самых женщин, то есть девиц, нетронутых даже мужскими взглядами.

– Зумрад! – громко возвестил Оксиарт начало волнующего действия, – моя старшая и любимая дочь...

Александр как раз цедил из золотого кубка местную мальвазию, когда в проеме шатра появилась «красавица», застывшая в весьма эротичной позе. Это она сама так подумала. А Македонец, сначала подавившийся вином, а потом выплюнувший и благородный напиток, и остатки ароматного кебаба, который и запивал вином, и возглас ужаса, который объял его при видении самого себя в одной постели с этим страшилищем, схватился, как утопающий за соломинку, за... анекдот.

Те несколько минут, которые он якобы откашливался от кусочка кебаба, попавшего не в то горло, он стремительно листал в памяти страницы Книги и, наконец, нашел нужную:

Ну что ты переживаешь, что грудь у тебя первого размера?! Зато... вон... Ноги сорок четвертого!

Что такое сорок четвертый размер ноги, Александр не знал, но предполагал, что он примерно соответствовал «кокетливо» выставленной вперед ножке старшей дочери бактрийского владыки. У нее вообще все было длинным – и ноги, и нос, немного свернутый набок, и руки, которые нервно (наверное, тоже «эротично»?) теребили пестрое платье где-то в районе колен бактрийки.

– Нет!!! – Александру даже не пришлось исторгать из груди крика; отец все понял сам, тоже, очевидно, безмолвно погрузив: «Ну, вот! И на этот раз не удалось вручить „товар“ купцу!».

Невольницы, на которых взгляды и Александра Великого, и не такого великого во всех смыслах Ваксувадавры, немного отдохнули перед очередным испытанием, шустро заменили и заплеванные скатерти, и изрядно подъеденные блюда и подпитые кувшины. А бактриец во второй раз хлопнул в ладоши, приглашая вторую дочь, Зульпу. Александр, предусмотритель-

тельно проглотив недожеванный кусок уже из второй перемены блюд, опустил на столик бокал, чтобы не залить свежую скатерть.

– Впрочем, – заявил он задумчиво, – с этой возлечь я бы согласился – хотя бы ради эксперимента. Смогла бы эта, несомненно, тоже очень любимая дочь Оксиарта, заменить четырех наложниц... покорностью и неутомимостью? Весом Зульпа, наверное, их всех вместе даже превзошла.

Это Александр еще раз подчеркнул свой вывод насчет «любимой» – нелюбимую дочь бактриец вряд ли стал бы так кормить... точнее, откармливать. Девушка действительно оказалась энергичной; боком протиснулась в широкий проем, с которого стражи снаружи предусмотрительно откинули полог, так шустро, что шатер содрогнулся и едва не упал, «похоронив» под своим тяжелым покрытием вполне сдружившихся правителей.

– *Ваши штангисты триста килограммов поднимают?*

– *Конечно.*

– *А можете сделать меня штангистом?*

– *Вам зачем?*

– *Моя невеста хочет, чтоб я ее в загс на руках внес.*

Громовержец не знал, что означает таинственное слово «штангист», а тем более «загс», но становиться им определенно не пожелал. Хотя...

– Если не появится кто-нибудь посимпатичней, я, пожалуй, решусь на «эксперимент», – развеселился Македонец, качая, впрочем, головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.